

КИНЕМА ЖЕСТИКУЛЯЦИИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Все словари, независимо от своего типа (энциклопедический, толковый, синонимический, переводной) обозначают жест как знак¹. Знаковая природа жеста обеспечивает его основными характеристиками, присущими знаку любой системы, а именно: жест – это единство означающего и означаемого, обладающего как планом выражения, так и планом содержания и несущее определенную информацию о ситуации, объекте или субъекте коммуникации.

Именно последнее свойство дает право говорить о существовании языка жестов [14, 441] и о мимико-жестовой речи [14, 815] как о самостоятельных и/или сопровождающих коммуникативных системах. В этой связи следует высказать несогласие с автором очень интересного исследования о жестах рук Д. Мак Нилом. Подчеркивая важность жестикуляции и ее место в коммуникативной деятельности человека, что само по себе никаких возражений не вызывает, автор, однако, не разграничивает функциональный и субстанциональный аспекты жеста, рассматривая его как часть языковой системы: "*Gestures are an integral part of language as much as are words, phrases sentences. Gesture and language are one system*" [12, 16].

Достаточно серьезными аргументами против данной точки зрения служит характер взаимодействия двух аспектов жестового знака, структура языка жестов, а также условия его функционирования.

¹ Некоторые дефиниции см. в статье автора [3].

Действительно, разделение означающего (телодвижения, мимического сокращения мышц) и означаемого (смысловой интерпретации) при непосредственном выполнении жеста осуществляется по линии – физическое/ментальное. Изобразительность, открытость, наблюдаемость первого и внутренне-скрытый, мыслительно обусловленный характер второго делают разграничение двух аспектов жеста в действительности достаточно четким.

В структурном плане язык жестов можно представить как иерархию трех уровней, основанием которой будут жесты с универсальным смыслом, т.е. идентично интерпретируемые всем или подавляющим большинством человеческого сообщества², следующий ярус займут жесты, использование, назначение и понимание которых ограничено национально-этническими и/или территориальными факторами; и, наконец, верхний уровень – это жесты, характерные для одной узкой группы лиц, ограниченных по родственному, социальному, профессиональному, возрастному, половому признаку.

При рассмотрении идиолекта носителя языкового кода высказывалось предположение, что собственно индивидуализирующий уровень незначителен по количеству составляющих его лексем, которые выступают индивидуальными маркерами прежде всего в связи с повышенной частотой встречаемости в речи данного индивида. Схематически структура вербального идиолекта представляется следующим образом [1, 159]:

Ярус III	Собственно индивидуализирующий, отражающий личные языковые пристрастия говорящего
Ярус II	Ограниченный группой (социальный, половой, возрастной и пр.) принадлежностью
Ярус I	Общий для всех носителей язык

² Например, один из теоретиков, разрабатывающих проблемы табуирования и нетабуирования жестикуляции, самым универсальным, т.е. понятным всему человечеству без исключения ("*the ultimate gesture*"), считает улыбку [4, 96].

Аналогичную схему можно построить для идиолекта носителя жестового языка, с введением в нее еще одного уровня ограничения пользования – территориально-этнический, который отражает особенности мимики и жестикуляции представителей разных рас и народов³

Ярус IV Индивидуально маркированный

Ярус III Общий для представителей групп, объединенных по социальному, возрастному, половому, образовательному и пр. признаку

Ярус II Общий для всех представителей одной этнической (национальной) группы

Ярус I Общий для всего человеческого сообщества

Язык жестов, которым ребенок овладевает и начинает пользоваться до овладения языком вербальным, играет огромную роль во всей коммуникативной деятельности человека, подкрепляя, уточняя или полностью заменяя вербальное сообщение. Нередко жест и/или мимика несут большую коммуникативную нагрузку, чем слово. Первый ярус жестового кода, понятный всем, помогает общаться лицам, не владеющим национальными языками друг друга и существенно облегчает общение с иностранцем при недостаточном знании его языка. Жест является более экономным и доступным способом выражения эмоции, чем слова. Жест способен передать информацию в ситуациях, когда слово недоступно или невозможно (например, указательный палец, перпендикулярно приложенный к закрытым губам, требует молчания в опасной или напряженной ситуации). Жест выступает маркером принадлежности к группе и равен выражению “Я свой, я с вами” (Ср. выброшенную вперед руку, ладонью вниз – знак нацистского приветствия). Функции и назначения жеста множественны и разнообразны, и его необходимость (часто – незаменимость) в коммуникативной деятельности человека ни у кого не вызывает сомнения.

³ Неслучайно представители западно-европейского бизнеса, выезжая по делам в страны Азии, предпочитают ознакомиться с базовыми жестами, приятными при знакомстве, прощании, деловой или неформальной беседе и т.п. [9, 58].

Тем не менее, коммуникативные потенции жеста (мимики) резко ограничиваются условиями, при которых они могут реализоваться: жестикуляция, включающая движения тела и лицевых мышц, несет информацию только при непосредственном **визуальном** контакте коммуникантов⁴. Любое нарушение последнего, любая дистанционность коммуникантов во времени и/или пространстве влекут за собой полную потерю передаваемой жестом (мимикой) информации. Следовательно, в условиях общения, при которых коммуниканты не видят друг друга (письменное, телефонное) и использование жестикуляции невозможно, всю информационную нагрузку принимает на себя слово, в том числе слово, называющее и/или описывающее жест – кинема жестикуляции [3], совокупность которых и составляет семантическое поле жестикуляции.

Полевой подход к изучению словаря, предложенный в 30-х годах

Й. Триром и активно разрабатывавшийся в 70-х годах в англоязычной лингвистике Найдой, Личем, Лайонсом, Лерером, в 80-х – 90-х – Крузом, Картером и др. оказался чрезвычайно плодотворным для большинства семантических исследований. Действительно, словарь, по словам Лайонса, “is an integrated system of lexemes interrelated in sense” [11, 19]; “the words of a language can be classified into sets which are related to conceptual fields and divide up the semantic space or the semantic domain in certain ways” [10, 15].

В языке, состоящем из множеств, организованных вокруг и на основании общего для всех его членов концепта (“the conceptualized compartmentalization of the language” – [5, 19], весьма четко выделяется и названная выше семантическая группа “мимика и жестикуляция”. В терминах Д. Круза, составляющие поля – это квазисинонимы, объединяемые

⁴ Ср. “... hand gestures serve a communicative function in face-to-face communication. Hand gestures are ubiquitous in face-to-face communication” [6, 3].

квази-гиперонимом [8, 97]. Е.В. Падучева, рассматривая глаголы звука в русском языке, тоже выделяет “тематические классы (иначе – семантические поля), объединяющие слова с общим семантическим компонентом” [2, 4]. При этом она рассматривает их в рамках “таксономических (иначе – онтологических) категорий, таких как действие (напр. “открыть”), процесс (напр. “кипеть”), состояние (напр. “голодать”), происшествия (напр. “испугать”) ... (Ibid)”. Интересующие нас кинемы относятся к первой из названных таксономических категорий: в самих терминах “кинема”, “кинетическая речь” заложено обозначение действия (движения), что, в свою очередь, (гипотетически) предполагает превалирование глагольных лексем над номинативными. Действительно более половины словарных обозначений мимики и жестов, извлеченных из 7 толковых и переводных словарей⁵ относится к глаголам: *to nod, to frown, to bow, to embrace*. Они и составили основной объект данной работы.

При анализе полученного корпуса кинем выясняется, по меньшей мере, два обстоятельства:

1. В большинстве случаев к семантическому полю жестикуляции и мимики может быть отнесена не вся лексема, план содержания которой зафиксирован в словарной статье в виде списка ее лексических значений, но лишь одно-два из них. Например, из четырех значений непереходного глагола *to blink* только два можно отнести к обозначениям кинетической речи: 1. *to wink rapidly, often, involuntarily*; 2. *to look with winking or half-shut eyes, to squint*. Из шести значений глагола *to crush* в нашу группу тоже входят только два: 1. *to press or squeeze with such force as to damage destroy*; 5. *to embrace or hug forcibly*. Еще пример: из пяти значений глагола *to hail* (три переходных и два непереходных) только одно обозначает жест – 2. *to attract the attention through motions or calls*.

Состав кинематических обозначений резко возрастает именно благодаря тому, что в семантическую структуру значительного чис-

⁵ См. выходные данные в списке использованной литературы в конце статьи.

ла английских лексем входит и значение жеста. Особенно убедительно это проявляется при анализе высокочастотных глаголов с развернутой полисемией, словарные статьи которых, как правило, включают и значения поля жестикуляции – см., например, *to throw, to raise, to stretch*. Подобный разброс значений весьма усложняет выделение кинем из словаря и определение границ поля. Основным критерием нашего отбора было наличие в дефиниции глагола слов, обозначающих части тела или лица (головы) либо на первом, основном этапе, давшем главную часть выборки – например, *to applaud – to express approval or enjoyment by clapping the hands*; либо на втором. Например, на первом этапе глагол *to acclaim* показал *to greet or salute with loud or enthusiastic approval; hail applaud*. Второй же этап – дефиниция глагола *to applaud* (см. выше) – позволил включить лексему в выборку.

2. Второй особенностью глагольных составляющих выборки является словарное распространение кинемы за счет комплемента – прямого (реже косвенного) дополнения и/или обстоятельства образа действия (реже – времени): *to bare one's head; to bang the table with one's fist; to bend low; to chuck under the chin*. Говоря о распространении кинемы комплементом, мы не имеем в виду дефиницию, в которой распространение используется для толкования значения, как, например: *to clasp – to grip firmly with a hand*; или *to clench – to bring together (hands or teeth) tightly*; или *to clout – to strike with an open hand*. В нашем случае речь идет о распространении самой кинемы при введении ее в словарь. Так, например, вышеприведенное *to clasp* фигурирует сначала самостоятельно – *to embrace*, а потом с распространителями: *to clasp one's hands, to clasp smb's hand, to clasp in one's arms; to clasp on the shoulders*. Аналогична ситуация с большинством глаголов, кинематическое значение которых является одним из основных в семантической структуре лексемы: в дополнение к нему, сначала представленному без комплемента, следуют уточняющие детали. Например, после введения *to bow – to*

incline the body or head or bend the knee ... следуют to bow one's thanks, to bow to smb, to bow oneself out; to bow one's assent и т.д.

Необходимость указанных уточнений и разъяснений, попадающих непосредственно в состав словарной кинемы объясняется многозначностью жеста. Действительно, пожав плечами, мы одновременно выражаем сомнение, несогласие, незнание, недоверие, скептическое восприятие того, что было выражено другим участником коммуникативного акта вербально или кинетически. Точная интерпретация жеста зависит от ситуации, в каждой из которых он сохраняет свое инвариантное – в данном случае скептически-отрицательное – значение. Общее положительное значение имеет жест, переданный фразой “Он потрепал ребенка по щеке”. Однако, конкретный смысл действия зависит от участников и условий коммуникации. При письменной передаче ситуации, как правило, возникают уточнения типа “ласково, снисходительно, рассеянно” и т.п. Визуальный контакт и коммуникативная ситуация снимают многозначность жеста. Попадая в сферу иного, не-кинетиического кода, жест, по сути дела, “переводится” с одного языка на другой и – во избежание неоднозначного толкования – обрастает уточняющими комплементами.

Описание жеста всегда более громоздко, чем сам жест, т.к. указанное распространение неизбежно при письменном воспроизведении жестово-мимического поведения персонажа. Вот два примера с уже упомянутым *to bow*, соседствующие друг с другом в романе С. Рушди “Последний вздох мавра”, но относящиеся к разным персонажам, разным ситуациям и выполняющие разные художественные задачи автора:

Common man in India always **bowed** his knee to the counsels of his betters (p.50).

He **bowed** to her deeply in acknowledgement, **the bow** of a Restoration dandy, the right hand spiralling foppishly outwards, **the right foot extended**, its toe deliciously cocked, and she left (p. 49).

А вот этот же автор признается в бессилии слова перед жестом: *... her bare feet stamping, snapping her neck from side to side, speaking incomprehensible volumes with her hands, she danced...* (p. 124)

Способы контекстуального распространения кинемы, даже одним автором и в пределах одного произведения практически безграничны. Ср. например, еще:

... she'd inquire, arching her eyebrows and twisting her right hand as if it held an invisible doorknob (p. 28).

... the upturned-palm gesture of helplessness (p. 162).

... he rose to greet her. She broke into applause, seemingly saying, “So you can do it” (p. 282).

Обобщая сказанное, можно резюмировать, что в отличие от вариативности текстовых конструкций, включающих в себя интерпретированную кинему, все словарные глагольные кинемы можно свести к двум моделям – распространенной и нераспространенной (однословной). Первая, в свою очередь, представлена двумя основными вариантами: V + O и V + Adv.modif.

Безусловно преобладающей тенденцией подачи кинематического материала в разных словарях является его распространенность. Даже если развернутая модель не попала в перечень значений, приводимых в словарной статье, уточненный комплемент смысла отражается в примерах к основной дефиниции: *to hunch shoulders* – пример к переходному значению глагола *to hunch* в [17] и отдельное значение в [15]; *to jerk one's head* – пример в [15] и значение в [13]; *to pat on the back* – отдельное значение в [17] и пример в [16]. Примеры можно умножать до бесконечности, и все они свидетельствуют о том, что употребление кинем и их отстоявшиеся в узусе и закрепленные в словаре национального языка значения разными лексикографами разграничиваются по-разному, на основании чего можно предположить, что состав и структурирование семантического

поля жестикуляции имеет весьма подвижный характер, ибо словарные статьи глагольных кинем включают маргинальную зону единиц со статусом колеблющимся между узуальным словосочетанием и отдельным значением.

Даже если функция комплемента заключается не в детализации, уточнении, разъяснении основного смысла глагольной кинемы, но кардинально меняет его, и тогда лексикографического единства в большинстве случаев нет. Частично или полностью метафоризованные развернутые кинемы типа *to hold hands* и *to hold one's tongue* или *to throw the glove*, *to throw the handkerchief*, *to throw a kiss* или *to thumb a lift (a ride)* и *to thumb one's nose* в разных словарях попадают в разные категории. Последовательная фиксация развернутой кинемы типа V + O с изменяющимся комплементом как разных значений полисемичной лексемы имеет место чрезвычайно редко. Так, внутри большой словарной статьи глагола *to cross*, из 12-16 значений (количество варьируется в зависимости от словаря) выделяются 4 самостоятельных кинематических значения *to cross one's heart*, *to cross one's fingers*, *to cross one's legs*, *to cross one's palm*.

Глагольные лексемы, участвующие в формировании семантического (тематического) поля жестикуляции, играют важную роль в обоих основных способах обогащения и роста словаря. Помимо активных процессов семантической деривации (за счет метафоризации) и превращения (узуальных) словосочетаний в фиксированные значения, глаголы, обозначающие жест и мимику, чрезвычайно продуктивны в словообразовании. Большинство однословных глагольных кинем конвертируется в субстантивные: *to nod* → *a nod*; *to frown* → *a frown*; *to hug* → *a hug*; *to wink* → *a wink* и т.д.

Конвертированные субстантивные кинемы активно сочетаются с глаголами широкой семантики, обозначая жест развернутой кинемой. Например: *to give a wink*, *to give a smile*, *to give a bow*, *to give a nod* и т.д. Эти и подобные структуры передают, как правило, то же денотативное значение, что и однословные глагольные кинемы,

добавляя коннотацию однократности, спонтанности, краткости жестового действия. Иными словами, семантическое наполнение развернутой кинемы (как и в случаях неконвертированного использования существительного в позиции объекта в формуле V + O) шире, чем у однословной. В ряде случаев конверсия $V_{\text{жеста}} \rightarrow N_{\text{жеста}}$ с последующим использованием кинематического существительного с глаголом широкой семантики приводит к изменению/появлению не только и не столько коннотации, сколько создает новое денотативное значение. Ср: *to give a hand*; *to give a big hand*.

В словообразовательных процессах поля жестикуляции широко представлена и аффиксация: *acclamation*, *prostration*, *bending*, *pressing* и т.д. Развернутые кинематические глаголы нередко участвуют в словосложении: *handshake*, *back-slapping*, *brow-raiser* и т.д.

Стилистические пометы жестовых обозначений наблюдаются сравнительно редко, и, в основном, относят кинемы либо к сленгу (*to cock a snook*) либо к архаизмам (*to bob a curtsey*). При этом практически повсеместно помета распространяется не на всю словарную статью, но только на ее часть. Ограничение употребления кинемы временем (архаизмы) или регистром (сленг) общения относится, как правило, лишь к одному из перечисленных в словаре значений. Например, одному значению глаголов *to clinch (to embrace passionately)* и *to crown (to hit on the hand)* сопутствует помета sl.; только одно значение глаголов *to coax (to caress tenderly)* и *to exult (to leap upward for joy)* выведено из употребления пометой Obs.

Стилистические пометы в большинстве своем демонстрируют автономность поведения каждой из двух сторон вербального знака: архаизация или вульгаризация означаемого не выводит за рамки общего узуса означаемое. Аналогичную картину мы наблюдаем при вербальной репрезентации жеста. В пределах своего кинематического кода жест выступает означаемым определенного смысла и – как форма двустороннего знака – может быть табуирован. В культуре каждой этнической группы и каждой эпохи есть своя градация прилич-

ных/неприличных, общепринятых/вульгарных жестов. Передача жеста словами превращает его дескрипцию в означающее, которое, как и прочие означающие вербальной речи, подвергается регистровым изменениям, не соотносительным с изменениями смысла.

Жест визуальный и жест вербализованный реализует две ипостаси знака:

Механизм выхода глубинной семантической структуры в поверхностную, повидимому, для обоих кодов соотносителен (и жест, и слово – как означающие – могут репрезентировать одно и то же означаемое: утвердительный кивок головой равнозначен слову “согласен”), их последовательное использование, необходимое для дистанцированной коммуникации, вносит коррективы в коммуникативную ситуацию, превращая двухзвенную цепочку передачи информации (жест > смысл) в трехзвенную (кинема > жест > смысл). Появление дополнительного звена предположительно усложняет передачу/вос-

приятие информации. Однако, кинема, называющая жест, компенсирует это усложнение введением в сообщение изобразительного элемента, который способствует созданию чувственного аспекта восприятия. Кинема, таким образом, является необходимой составляющей как словаря, так и речи, выступая единственным репрезентантом кинетического кода в условиях отсутствия визуального контакта общающихся.

Литература

1. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение. – 1988. – 190 с.
2. Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5. – С. 3-23.
3. Попик И.П. Словарное означивание кинем в английском языке // Записки з романо-германської філології. – Вип. 7. – Одеса. – ОДУ ім. І.І. Мечникова. – 2000. – С. 223-229.
4. Axtell Roger G. Gestures: The Do's and Taboos of Body Language Around the World. – John Wiley and Sons. – London. – 1991. – 284 p.
5. Carter, Ronald and McCarthy, Michael. Vocabulary and Language Teaching. Longman – London and New York. – 1989. – 242 p.
6. Cassell, Justine. A Framework for Gesture Generation and Interpretation. – Computer Vision in Human – Machine Interaction. – Cambridge University Press. – 1998. – P. 1-19.
7. Crenshaw, Eric. – Human Gestures. – Group Projects in Education. – London. – 1998. – P. 93-117.
8. Cruse, D.A. Lexical Semantics. – Cambridge University Press. – 1995. – 310 p.
9. Leadership Management Institute, ed. Asian Pacific cultural values. – Washington, D.C. – 1990. – 198 p.

10. Lehrer, Semantic Fields and Lexical Structure. – N. Holland Publishing Company, Amsterdam/London. – 1974. – 313 p.
11. Lyons, J. Semantics. – Cambridge University Press. – 1977. – Vol 1. – 323 p.
12. McNeil, David. Hand and Mind. – Chicago. – University of Chicago Press. – 1992. – 248 p.

Словари и источники иллюстративного материала

13. Новый большой англо-русский словарь в трех томах. Под рук Ю.Д.Апресяна. – Москва. – Русский язык. – 1998.
14. Советский энциклопедический словарь. – Москва. – “Советская энциклопедия”. – 1980.
15. American Heritage College Dictionary, The. – Boston, N.Y. – 1993.
16. Concise English Dictionary, The. – London. – 1987.
17. Scribner’s Dictionary. – MacMillan publishing company. – Mission Hills. – 1986.
18. Rushdi, Salman. The Last Moor’s Sigh. – Vintage Books. – 1996. – 434.